

5 ИЮЛ 1967

ЛИХООКЕАНСКАЯ ЗВЕЗДА

г. Хабаровск

Гастроли ордена Ленина Бурятского театра оперы и балета

БОЛЬШАЯ ЗВЕЗДА

ПРОШЛО три года с тех пор, как я покинула Ленинград — город, в котором я родилась, с которым связано много трудных, но счастливых дней. Я приехала в Сибирь, суровый, но необыкновенно красивый край, и теперь убеждена, что не предаю его. Здесь началась моя работа на профессиональной сцене.

Я была избалована в Ленинграде интересными спектаклями. Я не пропускала ни одной генеральной репетиции нового балета в Академическом Кировском театре, видела таких балерин, как Аллу Шелест, Наталью Дудинскую, Инну Зубковскую. И каково же было мое удивление, когда в этой далекой республике я увидела на сцене Ларису Сахьянову. Сказать, что она — своеобразная балерина, — этого мало. Я попробую передать мои впечатления о ней.

Впервые я видела ее в партии Заремы в балете Асафьева «Бахчисарайский фонтан». Этот спектакль стал для меня самым любимым. Во втором акте арти-

Валентина КОТЛЯР, артистка ордена Ленина Бурятского театра оперы и балета.

сты балета исполняют роли жен Гирей, но танцевального материала у нас мало, и здесь можно смотреть и смотреть на Сахьянову — Зарему. Она, как богиня, разгневанная и от этого еще прекраснее, дарит Гирею весь жар своей любви. Ее руки, как змеи, обвивают его и гордо взмывают в небо, моля всевышнего вернуть ей сердце любимого, но Гирей холоден. Он думает о нежной, белокожей Марии, просит привести ее в гарем. Хан низко склоняется перед ней. Мы, его жены, должны подсмеиваться над Заремой — мол, у всех нас доля одинаковая, — но кто хоть раз внимательно посмотрел на ее глаза в этой сцене, тот не посмел бы даже улыбнуться. Столько горя, утраты было в них и где-то искорка надежды: нет, этого не может быть, нет! Она даже в своем горе была красива и горда. Мне хотелось, чтобы Гирей бросился к ней невольно, преданно упал на колени, умоляя

простить. Мне очень этого хотелось. Такой Заремой была Лариса Сахьянова.

Помню, как я впервые вошла в репетиционный класс театра. Среди всех выделялась одна. Не потому, что она была самой высокой и стройной, даже не потому, что она была лучшей владелицей техникой, — и ней было что-то необыкновенно свое. Это сразу бросилось в глаза. Я поняла, что это — Лариса Сахьянова. Во время урока я всегда смотрела на нее. Смотрела восторженно, забывая слушать педагога. Стыдливо и старательно выделяла движения, когда чувствовала ее внимание со стороны. А после урока она садилась на скамейку, вынимала из сумки много балетных туфель, примеряла, какие удобнее для спектакля. Когда выбор был сделан, она брала иголку с ниткой и розовую тесьму. За работой она шутила с друзьями, спорила о новом фильме, смеялась искренне и просто. Мне казалось, что сейчас и

мне ничего не стоит подойти к ней и заговорить.

И вот прошел всего час. И я вижу Сахьянову не в репетиционном зале, а вижу на сцене. Какое перевоплощение! Я не верю своим глазам. Она ли это? Час назад просто разговаривающая со мной? Сейчас она стала недоступной, недостижимой. Она шла по сцене медленно и гордо. Ее бедра качались в ночной синеве, как островок в море. Все ее тело, ее душа сливались с мелодией знойной страны. Трудные движения она пела легко, изящно. Вот она ласкает рукой свое тело, вот несется по кругу с такой свободой, что напоминает Айседору Дункан, возвышенную и поэтическую в своих танцах. Невольно рождаются стихи. Не я, дарила их Ларисе Сахьяновой, она дарила мне их.

Мне посчастливилось иметь непосредственный контакт с Ларисой Петровной в балете Адана «Жизель». В этом спектакле я была графиней, с детства обрученной родителями с графом Альбертом. Когда Жизель знакомится со мной, не зная

еще, что я — невеста ее возлюбленного, она наивна и прелестна. Жизель притрагивается к моему платью, любуюсь им, и на мой вопрос «нравится?», отвечает «да», смущаясь очень неопосредованно. Я хочу подарить ей ожерелье. Мне не жаль его, но я думаю, зачем ей мой подарок, ведь она и без него богата. У нее есть большое сердце, большое, как жизнь, чистая, как кристаллики инея, жизнь, в которой есть и горечь увянувшей черемухи, и сладкий запах скошенной травы, и любовь, которая одна — сон и явь, тайна и проникновение.

Такое сердце у Ларисы Сахьяновой. Я подарила ей ожерелье — так нужно по спектаклю, — но, признаюсь, все время думала «зачем?» Передо мной стоял по-настоящему богатый человек: щедро даривший свою душу зрителям.

Утром снова вижу ее в балетном классе. Она никогда не давала уроки артистам, но то большое, индивидуальное, что сама вносила в упражнения экзерсиса, дало мне то, что не смогли дать ленинградские педагоги. Смотрю, как Лариса Сахьянова работает над новой партией. Она подходит к зеркалу и несколько раз повторяет с партнером адажио из нового спектакля.

Скоро премьера балета Меликова «Легенда о любви». Я сижу в зрительном зале. Поднимается занавес. И вдруг в заговор придворных врывается дикий стон плакательниц. Стены надрываются от горя, падающая черными тенями на царственно-холодный пол. У ложа умирающей сестры сидит Мехман. В ее скульптурной позе столько горя, что весь народ не смог бы излить его слезами.

Колонны вздулись мраморными венами. Я видела Сахьянову на сцене

В «Легенде о трагической любви» А видели ли вы?

Я пришла домой. Я слышала, как плакали стены в моей комнате, плакали от горя, которое я принесла с образом Мехман-Бану, и от счастья, что я видела в этом образе Ларису Сахьянову.

Наступило утро. И снова уроки, репетиции, вечером спектакль. Выхожу из театра. Уже темно. Над восточной аркой греются звезды. Какие вы, далекие звезды? Спуститесь на землю, я познакомлю вас с земными. Я хочу, чтобы вы увидели Ларису Сахьянову — большую звезду маленькой республики.

Л. Сахьянова на репетиции.

ИСПАНКА

НАРОДНОЙ АРТИСТКЕ СССР ЛАРИСЕ САХЬЯНОВОЙ

Я — не Китри, и нет у меня кастаньет, В руке я держу театральный билет, Но радость пестрой зазорной эспады Во мне разжигает песню Испании. Я вижу, как ярко под солнечным сводом Девушка пляшет песню народа. Смеялось в ней все: и губы, и платье, Смеялись, звеня, кастаньеты в пальцах, Ноги ее подчинялись ритму. Она танцевала и в Вене, и в Риме, Но сейчас она гордо, свою Испанию Дробила четко, дробила с испариной. Ее каблучки чеканили искрами, А искры в глазах отражались бисером. Она смельчкова зазывала в танец. А ну, выходи, безумный испанец! И одному подмигнула лукаво,

И вдруг вся раскрылась цветком купавы И тихо застыла сдержанной страстью... И вдруг в небо снова встряхнула запястья. Закружился вихрем танец яркий, Кавалеру сразу стало жарко, На щеках, как слезы, капли пота, Но смеется девушка: — Ну, что ты? — Если меня перепляшешь, то знай, — Я буду твоя, я — твоя весна. Смеялось в ней все: и губы, и платье, Смеялись, звеня, кастаньеты в пальцах. Я — не Китри, и нет у меня кастаньет, В руке я держу памятный билет, Но радость пестрой, зазорной эспады Во мне пробудила песню Испании.

Валентина КОТЛЯР.